

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Дмитрия Михайловича Красоткина «Многозначность художественного текста: уровни и механизмы (на материале русской эпической прозы XX в.)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. «Теория литературы»

В диссертации Дмитрия Михайловича Красоткина изложен ход и результаты исследования сложной филологической проблемы – многозначности текста. Эта проблема, как формулирует соискатель, «затрагивает огромное количество фундаментальных вопросов» (с. 4) и уже хотя бы поэтому является актуальной теоретической задачей. По сути, Д. М. Красоткин пытается найти аргументированные и точные ответы на вопрос, как и почему одно и то же литературное произведение может быть прочтено и понято по-разному. Диссертант вполне справляется со своей задачей, детально исследуя уровни и механизмы многозначности, а также определяя пределы интерпретативных практик.

Логика изложения диссертационного исследования безупречна.

В первой главе Д. М. Красоткин обсуждает центральное понятие – многозначность текста. В первом параграфе решается терминологическая проблема понятия «смысл», теснейшим образом связанного с многозначностью. При этом диссертант опирается не только на литературоведческие, но и на лингвистические и философские труды (Готлоба Фреге, Юрия Маслова, Вадима Руднева, Игоря Смирнова и многих других). От общего понятия «смысл» диссертант переходит к понятию «содержание», заранее предусмотрительно оговорив, «что этот термин часто используется в разных сферах филологической науки, в том числе литературоведении, по-разному» (с. 23). Останавливается диссертант на определении, предложенном И. В. Фоменко: «содержание – это совокупность значений языковых единиц» (с. 23). В первой главе рассматривается также понятие «значение». В результате Д. М. Красоткин приходит к выводу, что «при раскрытии проблемы многозначности основным понятием будет являться именно смысл, а не значение» (с. 25), причем текст в таком случае нужно рассматривать как «смыслопорождающий механизм». В итогах главы делается вывод о том, что «художественный текст выступает не как “хранилище смыслов”, а как матрица смыслообразования» (с. 39).

Во втором параграфе первой главы подробно исследуются отношения понятий «текст» и «дискурс»; диссертант привлекает для выяснения этих отношений наиболее значимые работы. Опорным понятием дискурса становится определение В. А. Миловидова, изложенное ученым в монографии «Семиотика литературно-художественного дискурса».

В. А. Миловидова, изложенное ученым в монографии «Семиотика литературно-художественного дискурса».

Во второй главе в полном соответствии с ее заглавием «Уровни многозначности» выделяется и подробно анализируется десять уровней. Для выделения и обоснования этих уровней Д. М. Красоткин использует в качестве методологического ориентира книгу Умберто Эко «Роль читателя. Исследования по семиотике текста», в которой изложена «семиотическая модель уровней текста» (с. 41). Новизна работы, собственно, и заключается в том, что уровни выделяются именно в аспекте многозначности («Понятие уровней, кажется, не часто встречается, когда речь идет о многозначности», – утверждает диссертант (с. 40)).

Но нужно сказать, что в этой главе, в первом же ее параграфе «Уровни как теоретическая модель» возникает некоторая понятийная дивергенция, впоследствии мешающая адекватному восприятию исследования. С одной стороны, Д. М. Красоткин четко и внятно пишет, что «уровни многозначности выступают как производная от уровней текста и дискурса» (с. 155), с другой – в тексте диссертации регулярно появляются такие, например, формулировки: «уровни осмысления текста» (с. 140), т. е., уровни рецепции, или «предыдущая глава была посвящена описанию уровней многозначности, то есть тем областям текста или дискурса, где локализуется разночтение» (157), где уровни многозначности оказываются тождественными уровням текста и дискурса. Очевидно, что эти явления взаимосвязаны, однако, хотелось бы более четкого разграничения научного аппарата.

Глава 2 разбита на несколько параграфов; подробно остановимся лишь на некоторых.

В параграфе 2.2. «Уровень экстенсionales» Д. М. Красоткин затрагивает еще одну важную филологическую проблему – соотношение искусства и действительности. Откликаясь на исследование Ю. М. Лотмана, соискатель приводит пример с неразличением этих двух сфер; в частности, он говорит о неразличении театрального спектакля «Отелло» и реальности (с. 44–45). Пример, однако, не совсем релевантный: в театре перед зрителем есть воплощенное замещение художественной реальности и персонажей (актеры и декорации). Солдат, не различающий названные сферы, целится все же в человека (в Отелло, как ему кажется). В литературном же произведении такого воплощенного заместителя художественной реальности нет, и потому реальность, данная вербально, соотносится с действительностью по-иному. Для иллюстрации уровня экстенсionales лучше было бы выбрать другой, литературный, пример.

В этом же ключе «искусство – действительность» Д. М. Красоткин рассматривает повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца». Исследователь справедливо замечает, что «повесть представляет собой автопсихоаналитический разбор автора своей собственной жизни» (с. 52). *Можно ли в таком случае говорить о том, что это – безусловно художественное произведение?*

В параграфе 2.8. «Уровень интертекстуальных кодов» при сопоставлении романа А. Иванова «Географ глобус пропил» с романом «Школа для дураков» практически дословно повторяется фрагмент о произведении Саши Соколова (с. 113 и далее), цитируется тот же самый эпизод, что и на с. 66. Представляется, что вполне достаточно было бы отослать читателя к нужной странице.

Параграф 2.10. «Уровень топиков и изотопий» кажется весьма важным и необходимым, причем не только для теории и методологии исследования литературного произведения, но и для образовательного аспекта филологии. Эта часть диссертации Д. М. Красоткина может быть в дальнейшем продолжена при изучении, например, практики школьного изучения литературы в аспекте топиков. Материалом могут послужить бесчисленные тексты «в помощь при подготовке к ЕГЭ», содержащие практически обязательную формулировку того, «о чем этот текст».

В параграфе 2.11. «Уровень нарративных структур» фокус внимания диссертанта переносится на нарративное устройство художественного произведения. На основе работ М. Бахтина, В. И. Тюпы, Ж. Женетта и других ученых обсуждается понятие «двойкой событийности» произведения: события, о котором рассказывается и «события самого рассказывания» (М. Бахтин). Основу «двойкособытийности» Д. М. Красоткин ищет в различении сюжета и фабулы. Однако в данном случае, как представляется, лучше было бы рассмотреть различие сюжета и нарративной интриги (см. концепцию В. И. Тюпы, изложенную, например, в экспериментальном словаре «Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы)» (Москва, 2022); или диссертационное исследование О. А. Гримоной «Нарративная интрига в современном отечественном романе», 2023).

В этом же параграфе Д. М. Красоткин приводит анализ рассказа В. Набокова «Катастрофа» (с. 146–150). Диссертант утверждает, что «сюжет в новелле “Катастрофа” провоцирует читателя на формирование разных фабул, вследствие чего текст прочитывается каждый раз по-иному... разность этих прочтений зависит прежде всего от фабулы, от событийного ряда текста, и уже во вторую очередь от ее сюжетного оформления» (с. 150). Это справедливое в целом утверждение, однако представляется спорным тезис о том, что «текст прочитывается каждый раз по-иному». Как

представляется, такое разночтение заложено автором, и прочитываться рассказ должен довольно однозначно – как соединение всех «трех фабул» одновременно и удерживание их в сознании читателя. Такое явление названо Цветаном Годоровым «читательским колебанием» (именно колебанием, а не выбором одного прочтения!), а Вольфом Шмидом «неразрешимым онтологическим синкретизмом». Наиболее ярко этот «синкретизм» проявляется в фантастических повестях эпохи романтизма (в немецкой литературе – Гофман, в русской литературе – Бестужев-Марлинский, Погорельский, Пушкин («Пиковая дама») и др.) Набоков, как это отмечают исследователи, любит оставлять читателя на границе между двумя (тремя) мирами (см., например, «Terra incognita», «Приглашение на казнь» и др., где читатель *заведомо* не находит ответа, что именно случилось с героем). Близок к такому представлению анализ романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота», приведенный диссертантом в главе 3 (с. 169–171). Д. М. Красоткин справедливо отмечает: «Однако подобная амбивалентность может быть снята в том случае, если читатель не пытается осмыслить настоящий нарратив как реалистический» или «...а эти два пространства все же реальны или оба иллюзорны? Этот вопрос также получает в романе амбивалентное истолкование» (с. 171).

Глава 3 диссертации посвящена выявлению и описанию механизмов многозначности.

Первый из них разрабатывается в параграфе 3.1. «Разноуровневое прочтение текста». Соискатель убедительно формулирует главную особенность описываемого явления: «Важной особенностью этого механизма многозначности является комплементарность интерпретаций» (с. 161), при этом, со ссылкой на работы В. А. Милюдиной, отмечается разноположенность и неконфликтность интерпретаций. В противовес этому механизму в параграфе 3.2. рассматриваются конфликтующие прочтения. Здесь автор диссертации приводит убедительные свидетельства из области когнитивистики.

Следующие параграфы последовательно описывают такие механизмы, как «неопределенность смысла», «интертекстуальность» и «аграмматичность текста».

Важным кажется выделение и исследование «семиотического дрейфа» (параграф 3.6). «Под семиотическим дрейфом, – приводит диссертант цитату из работы А. М. Прилуцкого, – понимается свойство элементов семиозиса в зависимости от контекста функционирования изменять свои семиотические характеристики» (с. 195). В процессе чтения происходит постоянный пересмотр понимания, приводящий читателя к различным, иногда комплементарным (дополнительным), а иногда и конфликтующим интерпретациям» (с. 201). Отметим, что и этот параграф диссертации оказывается важным

для методики и организации чтения школьников и студентов, изучения этого типа чтения, т. е., для образовательной филологической сферы.

В главе 4 «Пределы интерпретации» продолжает исследоваться тема, связанная, в числе прочего, с той же образовательной филологической практикой. Поднимается вопрос о «читательском произволе» (В. И. Тюпа) (с. 206). Диссертант выявляет «ограничители текста», среди которых, во-первых, «авторская интенция», а во-вторых, сам текст художественного произведения. К несомненным достоинствам представленного диссертационного исследования следует отнести и тот факт, что Д. М. Красоткин рассматривает тему ограничителей интерпретации в историческом аспекте.

Далее в главе подробно рассматривается текст в функции главного ограничителя интерпретативных читательских практик и делается вывод о том, что «текст является той матрицей, сквозь которую формируется смысл» (с. 221).

В этой же главе вводится еще одно понятие, почерпнутое диссертантом в работе У. Эко, – «горизонт сопротивления текста», который формируется двумя факторами: соотносительностью «интерпретирующих тезисов с текстом» и соотносительностью «интерпретирующих тезисов между собой» (с. 237).

Нельзя не отметить логичное и последовательное изложение соискателем хода и результатов работы, учитывая, что объект и предмет исследования представляют собой сложные, многосоставные категории. Все задачи, поставленные диссертантом, решены, что, безусловно, относится к достоинствам представленной для отзыва работы. Но все же возникают некоторые замечания и вопросы.

Уже была отмечена некоторая неточность понятийного аппарата. Добавлю: целый ряд второстепенных терминов, по большей части взятых из работы У. Эко, никак не объясняется и не определяется. А между тем, не все они характерны (во всяком случае, однозначно) для российского литературоведения. Имеются в виду такие термины, как *гиперкодирование* (параграфы 2.6. «Уровень риторического и стилистического гиперкодирования» и 2.9. «Уровень идеологического гиперкодирования»), *предпочтение* (2.5. «Уровень контекстуальных и ситуативных предпочтений» и 2.7. «Уровень фреймовых предпочтений»). В последнем случае возникают естественные вопросы – предпочтения кого? Если читателя, то являются ли его предпочтения произвольными (осознанными) или нет? Как кажется, это следовало бы прояснить.

Кроме того, возникают некоторые частные вопросы, касающиеся, скорей, дальнейшей перспективы исследований: *возможно ли уточнить и конкретизировать жанровые механизмы многозначности?* Например, на каких уровнях может вероятнее всего возникнуть многозначность в чтении произведения определенного жанра, скажем,

романа-антиутопии? Какие типовые механизмы (совокупность механизмов) будут при этом задействованы? О жанре в диссертации идет речь во второй главе (параграф 2.6. «Уровень риторического и стилистического гиперкодирования») (с. 96–98); но вопрос связан не столько с риторическими и стилистическими кодами, сколько с типическим набором уровней и типическими механизмами многозначности.

Другой вопрос, тоже касающийся жанровой темы, связан с типами литературных произведений, являющихся в той или иной степени иносказательными (как, например, повесть). *Как будет влиять иносказательность на многозначность? Какую роль будет выполнять при этом «параллельный сюжет», часто встраиваемый в повесть?* (см. работы Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпы о жанре повести).

Еще один вопрос, касающийся цитации (с. 111–112 диссертации). В указанном параграфе речь идет о фрагментах-цитатах из *литературных* произведений. *Как изменится (и изменится ли?) характер многозначности в случаях интермедальности?*

Добавим замечание, касающееся оформления диссертационного исследования: оно требует более существенной вычитки. В тексте встречается несогласование слов («читательская компетенция, *подтверждается и/или оспариваемая* каждым новым текстом», с. 96), просторечные обороты («Ее оскорбляет отсутствие у него активности, прагматичности *по жизни*», с. 114), разный межбуквенный интервал (например, на с. 116), не соблюдается единообразная система кавычек («т.е. “жизненных”, связей (от эффектных параллелей между творчеством и средой до наивно старомодного, но живучего “биографического метода”, с. 91), нарушена нумерация параграфов в главе 2 и т. д.

Несмотря на указанные замечания, в итоге можно сказать, что диссертация Д. М. Красоткина – самостоятельное, значимое в теоретическом отношении исследование, результаты которого могут быть использованы не только в научной сфере, но и в филолого-педагогической практике. В качестве положительного момента следует отметить и тот факт, что приведенный анализ художественных произведений (всего 27) диссертант четко ограничивает соответствующим теме аспектом.

Д. М. Красоткин представлял результаты промежуточных исследований в докладах на международных и всероссийских конференциях; опубликовал 15 тезисов и статей (4 из них – в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ). Содержание автореферата и опубликованных работ соискателя в полной мере отражают содержание диссертации и положения, выносимые на защиту.

Диссертация Дмитрия Михайловича Красоткина «Многозначность художественного текста: уровни и механизмы (на материале русской эпической

XX в.)» соответствует паспорту научной специальности и профилю диссертационного совета. Диссертация отвечает требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного правительством Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Дмитрий Михайлович Красоткин заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 – «Теория литературы».

Официальный оппонент:

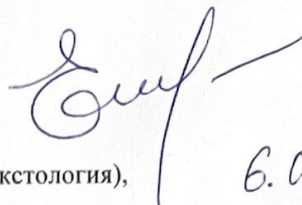
Доктор филологических наук

(специальность 10.01.08. – Теория литературы. Текстология),

доцент, профессор кафедры издательского дела

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Козьмина Елена Юрьевна

6.05.2024г.

Обработка персональных данных может осуществляться способами, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Контактные данные:

Адрес организации: 620002, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Телефон: +7 (343) 375-44-44

e-mail: contact@urfu.ru

Электронный адрес оппонента: klen063@gmail.com

Телефон: +79126546035

ПОДПИСЬ
ЗАВЕРЯЮ.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ УРФУ
МОРОЗОВ В.А.

